

Прощай, средний класс

© Мартъянов В. С.

© Martianov V.

Прощай, средний класс

Farewell, middle class

Аннотация. Модель государства всеобщего благосостояния позволила в XX в. создать лояльный капитализму средний класс в основании современных *машин демократии*. Однако автоматизация/роботизация экономики вместе с глобальным замедлением ее роста с 1980-х гг. ведут к нарастающему кризису социального государства. В политической сфере сжатие среднего класса оборачивается кризисом демократии, чьей базовой опорой он представлялся долгое время. Радикализация неравенства меньшинства и большинства обнаруживает контуры будущего рентного общества с растущими социальными группами прекариата и безработных, которому придется иметь дело с недемократическими основаниями легитимации нового политического порядка без привычных апелляций к среднему классу.

Annotation. The consensus of the majority in a persistent conflict of economic interests of the labor and the capital through non-economic methods sustained the welfare state. Automation and robotics along with the predicted global economic slowdown leads to the crisis of the welfare state model. The compression of the middle class, this has been considered as the basis of democracy during of the 20th century, turns into a crisis of democracy. The radicalization of social inequality determined the contours of the future rental order. The legitimation of a new structure of society will easily be associated with the search of reduced democratic, or not democratic at all, grounds of the new political order, which has to dispense with the usual appeals to the middle class.

Ключевые слова. Политический порядок, демократия, стратификация, легитимация, большинство, средний класс, рабочий класс, прекариат, рантье, модерн, лишние люди.

Key words. Political order, democracy, stratification, legitimation, majority, middle class, working class, precariat, rentiers, Modern, superfluous people.

В поисках среднего класса, или *Большинство не для всех*

Структура любого общества являет *законные* отношения неравенства, сложившиеся в этом обществе. Поэтому идеи установления *иной* справедливости или снижения неравенства, будучи продуманными до своего логического предела, всегда призывают к легитимности сложившейся социальной структуры общества и возможностям ее трансформации на разных уровнях: от условия включения индивидов в политический класс до факторов, определяющих доступ тех или иных социальных классов и групп к ресурсам и механизмам их распределения. Любая реформа

МАРТЪЯНОВ Виктор Сергеевич — заместитель директора по научным вопросам Института философии и права УрО РАН, доцент, кандидат политических наук.

или революция стремится к изменению социальной структуры общества и принципов его стратификации, взывая к реальному или мнимому большинству, т. к. «совокупность благ, которые обеспечивает позиция в социальной структуре, оказывает прямое влияние на величину дохода и других вознаграждений, которые получает занимающий эту позицию вне зависимости от своих личных качеств» [27].

Современная нация-государство территориально фиксирует и регулирует властные отношения, отношения труда и капитала, используя буржуазный дискурс освобождения от Старого порядка. Освобождения того самого *третьего сословия*, которое согласно аббату Сийесу и образует истинную нацию, составляя на тот момент около 97% населения Франции. Стремительное расширение образованного городского населения, военнообязанных и отстаивающих свои права рабочих привело к необходимости распространения политического класса на все население в национальном масштабе [31]. Рост политического влияния рабочего движения породил консолидирующую теорию государства всеобщего благосостояния, связанную с прогрессивным налогообложением и повышением роли государства в регулировании и перераспределении общественного богатства. По подсчетам Т. Пикетти, до *Первой мировой войны среднего класса в экономическом измерении не существовало*, поскольку «промежуточные 40% были практически такими же бедными в имущественном отношении, как и 50% самых бедных. Капитал распределялся таким образом, что подавляющее большинство населения почти ничем не владело, в то время как меньшинству принадлежали почти все активы» [18. С. 260]. Лишь после *Первой мировой войны* и цикла последующих революций под давлением левых была инициирована политика, связанная с сокращением неравенства в доходах, введением элементов социального государства, прогрессивными налогами, снижением доходности с капитала и увеличением стоимости труда, особенно успешная после *Второй мировой войны*. Так в результате растущего влияния людей труда возникло государство всеобщего благосостояния, ставшее Золотым веком демократии. Значимым фактором эгалитарного перераспределения доходов и ресурсов стало то, что доля расходов государства в ВВП непрерывно росла с конца XIX в., достигая в настоящее время в развитых государствах 50–60% ВВП [25]. Фактически *широкие средние слои* как влиятельную социально-экономическую группу впервые создало государство всеобщего благосостояния. И большинство населения еще никогда не имело такого влияния на принятие значимых политических решений.

Однако социальное государство, щедро распределяющее ренту среди широких слоев граждан, оказалось географически и исторически ограниченной моделью, которая начала испытывать нарастающие трудности в условиях изменения демографических пропорций населения в пользу неработающих; автоматизации и роботизации, сокращающих массовый рынок труда; усиления давления глобальной конкуренции на рынки развитых стран. В результате указанные процессы, наслаивающиеся на постиндустриальные тенденции в наиболее развитых обществах, распад и глобальный аутсорсинг рабочего класса, позволили политическим и экономическим элитам в определенной степени нейтрализовать

идею государства всеобщего благосостояния в ходе транснационального *восстания нелиберальных элит*.

Более того, за последние 200 лет, начиная с промышленной революции, глобальное неравенство между обществами и внутри них непрерывно усиливается, являясь оборотной стороной развития и прогресса. Текущий глобальный коэффициент неравенства Джини 0,7 значительно превышает уровень неравенства отдельных стран (Бразилия — 0,57, США — 0,41, Россия — 0,4, Франция — 0,33). Причем, если в 1870 г. социальное неравенство на две трети определялось принадлежностью человека к определенному *классу*, то в 2000-м оно на две трети определяется *географией* — проживанием в бедной или богатой стране [16. С. 20—21]. Таким образом, классовые формы неравенства заменяются пространственными. Поэтому, когда бедные слои богатых стран являются на порядки более обеспеченными, чем средние слои бедных стран, факторы классовой солидарности и поддержки становятся все менее значимы, а национальный протекционизм — все более выраженным. В частности, 5% беднейших граждан США имеют доходы выше, чем 60% населения мира [16. С. 24].

Исключением стало лишь послевоенное *славное тридцатилетие* (1945—1975), когда наблюдался устойчивый экономический рост, а механизмы расширяющегося социального государства смогли поддержать тенденцию снижения социального неравенства [18. С. 246—251]. Однако с начала 1980-х глобальный рост неравенства продолжился, обернувшись к настоящему моменту долгим *бесславным сорокалетием*. Неолибералами декларируется, что новому среднему классу как адаптированному к капитализму большинству, которое элиминирует ключевую проблему классовой борьбы, более невыгодно содержать иждивенцев из бедных слоев населения через систему перераспределения налогов. Неолиберальный дискурс утверждает, что среднему классу выгодна отмена государства всеобщего благосостояния, забирающего у него доходы, которыми он сам мог бы распорядиться более эффективно.

Фактически риторикой заботы о воображаемом среднем классе бизнес освобождается от социальных гарантий. Поэтому в последние десятилетия возможность не только распространения государства всеобщего благосостояния на весь мир, но даже поддержание подобной модели в наиболее развитых странах вызывает все большие опасения. П. Розанваллон указывает на три измерения кризиса модели социального государства: экономическое (с 1980-х гг. наблюдаются рост безработицы, расширение бедности и маргинальности), идеологическое (неэффективность госуправления экономикой при одновременном усилении бюрократизации государственного аппарата) и философское (сомнения в коммунитарных началах, солидарности и социальных правах как ценностных основах социального государства) [21].

В результате произошел отказ от левой, социал-демократической модели универсального социального государства в пользу неолиберальных рецептов, усиливающих общественное неравенство и сокращающих доступ к государственной помощи, выравнивающей возможности для значимых групп населения. Необратимое сокращение доли агра-

риев и рабочих выдвинуло на первые роли новую онтологию среднего класса, преимущественно связанную со вторичной и неустойчивой сферой услуг и сервиса, к которой относятся до 70% занятых в развитых странах. Однако в классовой оппозиции труд—капитал ни *оказание услуг* средним классом, ни *знание* как ресурс креативного класса так и не стали равновеликой заменой *труда*.

Средний класс: идеология или реальная социальная группа?

Традиционная стратификация классово-индустриального модерна была связана с взаимодействием экономических классов, конфликтующих за доступ к ресурсам, прежде всего на рынке. Социальное государство стало способом снижения подобной конфликтности и предотвращения ее радикализации внеэкономическими регуляторами. Нарастающий кризис экономических классов, изменение структуры экономического производства и усиление неравенства общей центр-периферийной модели мироэкономики обусловили переструктурирование общества от экономических макроклассов в пользу более мелких социальных групп, ищущих новые ниши в условиях разрушения индустриального модерна и сворачивания социального государства, когда людей массового труда становится все меньше. В результате разрастается сфера услуг, связанная с производством фиктивных товаров и обслуживанием фиктивных потребностей, которая не обеспечивает устойчивой занятости. Это подтверждает кризис привычных категорий описания социально-политической реальности классово-индустриального модерна, когда такие понятия, как *народ*, *класс*, *пролетариат* все хуже схватывают новую реальность, т. к. их референты растворяются, трансформируются, претерпевают разные метаморфозы [3]. В результате «разговор о “рабочем классе”, “классе служащих” и т. д. теряет конкретность... отпадает основание и предмет бесконечного обмена аргументами на тему, “обуржуазивается” ли пролетариат или “опролетариваются” служащие» [2. С. 88].

Соответственно, структура общества позднего модерна стала изменяться в пользу легитимации политического порядка посредством опоры на воображаемое онтологическое большинство как механическую агрегацию многих социальных групп в виде *концепта среднего класса*. Он описывается как *консервативный класс, который имеет доступ к достойной жизни*. При этом критерии достоинства в разных ценностно-идеологических координатах весьма различны и релятивны, являясь источником бесконечных дискуссий. Идеологически средний класс призван отражать доступную *социальную норму достижимости* для большинства населения. Политическое самовыражение среднего класса связано с идентификацией с доминирующей идеологией как нормой. Поэтому можно согласиться с утверждением, что «средний класс может выступать опорой любого режима, что он идеологически нейтрален» [10. С. 363].

В элиту большинству не пробиться, особенно если она закрыта для социальных лифтов и приобретает наследственно-сословные черты. С другой стороны, принадлежность к бедному классу, наоборот, все чаще

тракуется как социальная стигма, признак социальной дезадаптации, что-то *ненормальное*, требующее своего постыдного сокрытия. Средний класс очевидным образом связан с понятием нормы и нормального, поэтому самописание в категориях среднего класса является способом подтверждения или демонстрации своей *нормальности* большинством населения, которое в реальности весьма различно по своим доходам, статусу, стилю жизни, возможностям.

Именно поэтому граждан, субъективно относящих себя к среднему классу, всегда больше, чем при расчете через объективные показатели по доходу, собственности, образованию, капиталу и т. п. В результате в обществе потребления, лишенном современных идеологий, средний класс в культурном контексте из социальной нормы превращается в приземленный обывательский *идеал*. А в политическом контексте репрезентируется в виде большинства, даже если является лишь механической совокупностью меньшинств. При этом любой идеал — это не то, что есть, но то, чего трудно достичь; поэтому подобная трактовка свидетельствует об объективном сужении доступа широких масс в средний класс.

В обществе потребления, лишенном современных идеологий, средний класс в культурном контексте из социальной нормы превращается в приземленный обывательский *идеал*.

Существует множество подходов к социометрии и квантификации среднего класса. Со времен Аристотеля выделяют прежде всего его функцию стабилизации политического порядка. Тем не менее нейтральное и объективное описание, а тем более определение среднего класса в логике позитивизма невозможно, т. к. средний класс не имеет ни одного исключительного основания. Такие измеряемые критерии, как уровень душевого дохода, уровень образования, характер труда и т. п. не позволяют даже в комплексе четко очертить границы среднего класса. Они не сообщают ничего определенного ни о его ценностях, ни о целях, об идентичности и самооценке, без которых само понятие класса оказывается невозможным. Здесь в рамках формальной градуалистской стратификации фиксируются лишь некие аморфные *средние слои*.

Отсутствие среднего класса как единой глобальной реальности, его сконструированность особенно четко высвечивают межстрановые сравнения, когда глобальная унификация измеряемых показателей может лишить среднего класса целые страны и регионы либо, наоборот, наделить им. Таким образом, интерпретация границ, признаков и социального состава среднего класса является предметом постоянного меняющегося общественного, идеологического и научного консенсуса относительно его параметров в каждой конкретной политике. Вопрос состоит и в том, возможно ли выделить средний класс по аналогии с марксистскими классами, и насколько оправдан такой редукцио-

низм? Или средний класс являет собой не столько единый класс, сколько «воплощенное общественное противоречие» [11. С. 49–51], относимое к обществу в целом?

Если для восходящих социальных сил важен потенциал общественных изменений, которые способен инициировать или поддержать средний класс, то для правящего класса важны его приверженность и укорененность в наличном экономическом, политическом и культурном порядке. Таким образом, лояльность или революционность среднего класса в значительной степени зависит от перспективы субъекта описания, благодаря которой он может предстать и как *сетевые хомячки, офисный планктон, лемминги, обыватели*, но и как *креативный класс, субэлиты, когнитариат, сэлариат и т. д.*

Во многом роль среднего класса аналогична значению полупериферии в капиталистической миросистеме. Ее позиция является определяющей в эпохи трансформаций мирового политического порядка, как и роль среднего класса в ситуации пересмотра общественного договора. При этом средний класс может развернуться в пользу и консервативных, и либеральных, и социалистических ценностей. Это зависит от того, на базе каких более мелких, но онтологически более *реальных* социальных групп он будет себя осознавать наиболее интенсивно; чья перспектива окажется более универсальной [30]. *Таким образом, потенциально важное политическое значение среднего класса состоит в том, что он является той противоречивой социальной средой, которая в ситуации политической турбулентности с наибольшей вероятностью будет способна генерировать наиболее универсальные решения для общества в целом.*

Средний класс в условиях позднего, текучего модерна стал включать не только ленинских мелких лавочников, но и менеджеров, ученых, интеллектуалов, госслужащих, работников сферы услуг, высококвалифицированных рабочих и т. д. Относительно четко выделяемые социальные классы сменились в области стратификации группами населения, стилями жизни и уровнями потребления, на место современных идеологий, выражающих классовые интересы, пришел технологический прагматизм и популизм [29]. Для демократической легитимации нового порядка численно сократившийся рабочий класс стал менее важен, элиты обращаются к новым массам в целом, одновременно конструируя их как воображаемые сообщества. В частности, в России удельный вес промышленных квалифицированных рабочих в структуре взрослого населения сократился с 32% в начале 1990-х гг. до 19% в первой половине 2000-х. Между тем «квалифицированные рабочие» в советское время были модельным «средним классом» [5. С. 20]. Очевидно, что, по каким бы социально-экономическим основаниям ни выделяли средний класс в разных обществах, большинство населения все равно является наемными работниками, доля которых неизменно растет с XIX в., составляя в разных современных обществах до 70–80% от общего числа занятых в экономике. В частности, в России доля работающих по найму является одной из самых высоких в мире, в 2000-е гг. она колебалась в районе 92–95% [32. С.17]. И политические интересы людей труда будут неизменно противостоять интересам работодателей, скрываемым за удоб-

ной риторикой саморегулируемого свободного рынка и открытых возможностей *плоского мира* (Т. Фридман).

Естественно, что концепция среднего класса изначально не могла быть нейтральной, во многом выполняя функцию риторической компенсации непрекращающихся конфликтов труда и капитала, все более выходящих за пределы отдельных территориальных наций. Это попытка представить альтернативу классовым самоопределениям общества, где роль носителя базовых ценностей в условиях постиндустриализма вместо рабочего класса начинает выполнять новый средний класс. Первоначально казалось, что неолиберальный политический порядок, легитимизируемый интересами среднего класса, является устойчивым. Проблема обнаружилась в том, что общество, центрированное средним классом, оказалось доступной моделью не для всех уровней мировой экономики, но лишь для ее центра, в то время как параллельно саморегулируемый рынок оказался не способен породить и поддержать средний класс как большинство. Чтобы завуалировать подобную ситуацию, продвигается весьма оптимистическая интеллектуальная утопия, связанная с описанием очередного технологического сдвига к постиндустриальному, информационному, посткапиталистическому и даже к *постматериальному* обществу, где люди, составляющие средний класс, массово смогут в большей степени реализовать свой творческий потенциал в менее отчужденных формах. Но так ли это на самом деле?

Фактически постиндустриальный сегмент мировой экономики строится на создании довольно закрытых глобальных монополий и стандартов; даже в развитых странах это сфера занятости незначительного меньшинства [14]. Труд в узком сегменте постиндустриальной мировой экономики требует все меньшего количества работников, все чаще может осуществляться в виде дистанционного аутсорсинга транснациональных компаний, когда география теряет свое экономическое значение. В настоящее время можно наблюдать множасьщиеся вызовы нациям-государствам в виде ТНК, сетей глобальных городов, теневых институтов, частнопроводимых режимов и т. п. Таким образом, экономическое пространство, глобальные рынки труда и капитала, правила игры на них, включая доступ к ресурсам, становятся все более дифференцированными и негарантированными со стороны государств.

В условиях глобализации капитала локально размещенный труд теряет значительную часть ресурсов и возможностей для организованного отстаивания своих интересов. Более эффективными становятся адаптивные индивидуальные стратегии, связанные не столько с отстаиванием коллективных требований, сколько с механизмами приспособления к сложившемуся глобальному рынку труда. Это механизмы, связанные с внутренней и международной миграцией, способностью к принципиальной смене рода деятельности, получением дополнительных навыков и переобучением, т. е. всем тем, что можно назвать погоней труда за капиталом. Однако ниши для глобальных рабочих миграций с мировой периферии в первый мир относительно невелики. В силу материальных факторов, отсутствия межгосударственного признания дипломов, языковых барьеров, въездных квот и иных причин они остаются уделом немногих.

В подобной пессимистической перспективе кризис среднего класса индустриального модерна начинают вынужденно описывать в виде *социальной прелюдии* к новому утопическому большинству постиндустриального модерна — *креативному классу* как расширенному пониманию всех тех, кто претендует быть представителем интеллектуального труда (менеджеры, люди творческих профессий, самозанятые и т. д.). Всех, кто вписывается в теорию постиндустриального общества как его авангард и при этом предполагает во временной перспективе будущего стать новым нормативным большинством. Очевидно, что постиндустриальное, информационное общество — это онтологическое воплощение теорий постмодерна, которые содержат в себе прежде всего критику недостатков модерна с его репрессивным господством разума и механизмами культурной ассимиляции, но вовсе не являются реальной альтернативой современного общества [13]. Поэтому креативный класс — новое онтологическое воображаемое концепций постиндустриального общества в условиях деиндустриализации, классового расслоения, роста требований разнообразных меньшинств и ослабления национальных государств. Однако в силу явной социологической переоценки узких прослоек креативных людей в мировых мегаполисах, которые выдаются за репрезентативный прообраз и саму квинтэссенцию грядущего постиндустриального общества, эти теории сразу же стали объектом убедительной критики, в том числе их собственных бывших апологетов [7].

Следует особо подчеркнуть, что *деиндустриализация рынка труда* вовсе не тождественна деиндустриализации экономики: «Постиндустриальный характер экономики ведущих старых, да и некоторых новых промышленных держав вовсе не означает их деиндустриализации. Растущий как на дрожжах сектор услуг и отраслей, не связанных с разного рода физической обработкой предметов и изготовлением из них полезных вещей, базируется на мощном и диверсифицированном промышленном фундаменте» [6]. Поэтому деиндустриализация развитых обществ вовсе не является неизбежным признаком постиндустриализации, часто являющейся вынужденной мерой из-за потери конкурентоспособности национальными экономиками центра миросистемы в аграрном и индустриальном секторах. Странам центра миросистемы, переживающим стремительную деиндустриализацию, не остается ничего иного, как превращаться в *вынужденно постиндустриальное* общество, хотя с таким же успехом его можно было бы назвать альтериндустриальным. *Общество знаний, креативные отрасли и экономика услуг* часто оказываются создаваемыми вынужденно, иначе общество уже не способно другими способами поддерживать достигнутые стандарты доходов, комфорта и потребления.

О политической субъектности среднего класса

Представляется, что неолиберализм легитимировал восстание элит (К. Лэш), использовавших для более широкой легитимации и расширения социальной базы поддержки риторику обеспечения интересов среднего класса. *Новейшее восстание глобальных элит держалось на обещании тех же возможностей и для глобального среднего класса.* Од-

нако обещанного возвышения, а тем более *восстания среднего класса* (Б. Кагарлицкий) не произошло, т. к. обнаружился другой феномен — *глобальное перепроизводство среднего класса*. Во многом катализатором этого результата стала фантастически завышенная оценка масштабов грядущей информационной, постиндустриальной или креативной экономики. В реальности прогнозы оправдались лишь для тонкой прослойки высшего среднего класса, в то время как его подавляющая часть получила больше издержек, чем выгод от неолиберальной экономической политики конкретных обществ. Подобная экономическая политика обуславливает невозможность поддержки влиятельного среднего класса, откалывая от него значимые социальные группы, идущие *на понижение* (прекариат) и *на повышение* (когнитариат, креативный класс).

В результате значительная часть нового среднего класса оказалась обманутой в своих ожиданиях ввиду того простого обстоятельства, что после появления постиндустриального сегмента экономики, его взрывного роста, сверхприбылей и последующего уплотнения конкуренции в этом секторе он обнаружил свои естественные пределы, т. к. рост даже глобального спроса не может быть бесконечным. Рост конкуренции и падение прибылей в сегменте привели к массовому краху мелких и средних фирм, в результате чего рынок поделили и стали управлять им такие же вертикально интегрированные ТНК («Майкрософт», «Эппл», «Самсунг» и др.), как и в других областях глобальной экономики.

Утопические ожидания от свободной творческой самореализации и сетевых взаимодействий разбились об интересы олигополий: «Как только мы обращаемся к таким понятиям, как “прибыль”, “капитал”, “заработная плата”, “наемный труд”, мы обнаруживаем, сколь условны различия между “информационным” и “индустриальным” обществом» [8. С. 72]. Структурирование информационной экономики, экономики знаний лишний раз показало, что эта новая экономика подчиняется тем же закономерностям и процессам, что и *традиционная индустриальная экономика*. Ее отождествление с возможностями индивидуального и коллективного освобождения оказалось иллюзией, очередной техноутопией, каковой уже успели побывать телеграф, радио, телевидение и Интернет.

Диапазон реальной свободы и возможностей актуального большинства среднего класса таков, что он будет серьезно зависим, а следовательно — и лоялен к тому национальному политическому порядку, внутри которого находится. Поэтому, например, популярная в городском среднем классе риторика об *освобождающей эмиграции* на самом деле остается лишь риторикой, поскольку не подкреплена его реальными возможностями транснациональной мобильности и востребованности на глобальном рынке труда. Например, в 2014 г., по официальным данным Росстата, из России мигрировало на постоянное место жительства всего 310,5 тыс. человек, или 0,22% ее постоянного населения; причем подавляющая часть (0,18%) выехала в страны СНГ, которые не отличаются лучшими экономическими условиями жизни в сравнении с Россией [23. С. 69, 95].

В результате индивидуальная независимая самореализация на свободном рынке как алиби неолиберализма стала привилегией немногих, вновь проигрывая отвергнутым в ее пользу левым идеям коллективного

политического освобождения и эгалитарной экономической политики. Средний класс не смог отстоять модель государства всеобщего благосостояния, став заложником неолиберальной политики элит даже в постиндустриальных странах. Закономерно, что легитимация нового политического порядка на уровне социальной онтологии привела к попыткам отказа от риторики опоры на средний класс и его редукции к креативному классу, немногочисленные представители которого каким-то образом вписались в новый экономический порядок, заняв довольно узкие экономические ниши и не претендуя на поддержку государства, а также и на онтологический статус большинства.

Экономическая и политическая реальность глобального миропорядка обернулась крахом иллюзий для глобального среднего класса о фактически тех же возможностях свободного распоряжения собственной судьбой, которыми располагают глобальные элиты. Для большинства представителей даже высшей (креативной) части среднего класса эти надежды не оправдались. Большая часть нового креативного класса не смогла реализовать в рамках этой утопии декларируемые ею цели и образ жизни. Амбициозным свободным творцам пришлось привыкать к роли наемных рабочих в основании очередной технологической пирамиды, где разнообразие форм найма (фриланс, аутсорсинг и пр.) не отменяет их истинной сути.

Актуальная деконструкция социального государства продемонстрировала, что средний класс не способен стать значимым субъектом коллективного политического действия и протеста. Если рабочий класс обладал классовой солидарностью, связанной с общностью экономических интересов, культуры, пространства, позволяющей использовать механизмы классовой гегемонии, то новый средний класс, по сути, остается синтетическим агрегатом мелких социальных групп, которые объединены лишь абстрактным уровнем доходов, стилем жизни, объемами престижного потребления. Данный конгломерат не способен к лоббированию своих общих интересов, более того, той или иной частью его политических интересов всегда можно поступиться без значимых политических последствий. В то же время ядро креативного класса, лояльное либертаристским тенденциям, образует новую глобальную субэлиту, заинтересованную в дальнейшем снижении своих экономических обязательств перед обществом и государством. Поэтому немногочисленный креативный класс вряд ли возможно рассматривать в качестве коллективного политического субъекта, заинтересованного в спасении *большого* среднего класса.

Указанные процессы демонстрируют, что средний класс является предметом активного идеологического конструирования со стороны элит. При этом он оказался социологической фикцией как субъект, потенциально способный к скоординированной политической практике. И перспективы обретения будущей субъектности оказываются эфемерны именно в силу политической лояльности среднего класса сложившемуся статус-кво, когда по умолчанию считается, что от любых изменений он больше теряет, чем приобретает, будучи негласным союзником буржуазии. Проблема в том, что становление любого класса, обретение им своей субъективности и осознание групповых интересов может

происходить только в процессе политического, культурного, экономического конфликта. При этом капитализм закономерно не порождает значимых течений культуры и идеологии, за исключением *культуры быта, культуры потребления* или *идеологии здравого смысла*, т. к. любая серьезная культурно-идеологическая рефлексия угрожает капитализму и статус-кво. Соответственно, все новые значимые социальные группы, культурные течения и идеологические феномены изначально позиционируются как анти-, альтер- или посткапиталистические. Они контркультурны в том смысле, что не переработаны и не подчинены доминирующим культурным кодам капиталистического мейнстрима.

В отличие от индустриального общества в позднем, глобальном модерне процесс классового образования затруднен в силу трансформации экономической и социальной структуры общества. Потенциальный средний класс, для которого образ креативного класса служит идеал-типической моделью, рассеян в географическом, социальном, технологическом пространстве. Для организации производственного процесса уже не нужны фордовские конвейеры и их аналоги, требующие *опасной концентрации* множества людей в одном месте с неизбежным появлением и осознанием ими общих интересов. Соответственно, общий интерес наемных рабочих и служащих уже не имеет эффективных форм аккумуляции и выражения.

Разреженные, стихийные, индивидуальные взаимодействия рабочих и граждан с транснациональными корпорациями и государством не представляют системной политической опасности для действующего политико-экономического порядка. Распространенные представления об агрегации классового протеста с помощью Интернета и электронных масс-медиа в действительности оказались довольно наивными. Виртуальные сообщества легко меняют свои мнения, поддаются манипуляциям, демонстрируют гражданскую инфантильность и пассивность в плане политического действия. Поэтому электронные сети и сообщества становятся скорее способом гашения (сублимации) социальной энергии и протестных настроений *в реальном мире*, чем формой их координации и последующей реализации на политическом уровне.

Виртуальная самоорганизация граждан, открытое правительство, электронная демократия имеют лишь инструментальное значение, стремящееся к нулю в отсутствие реальных политических субъектов, которые могли бы использовать эти инструменты. Вопреки популярным технологическим утопиям перечисленные концепции и механизмы чаще используются не столько оппозицией и общественным, гражданским контролем, сколько действующими элитами и административными вертикалями [28].

Экономическая база среднего класса: траектория падения

В последние десятилетия мировое положение среднего класса становится все более зыбким, он онтологически размывается двумя важными фоновыми процессами. Во-первых, в условиях доминирования новей-

шей модели финансово-спекулятивного капитализма происходит радикализация общественного неравенства на глобальном и национальном уровне. Она выражается перманентным ростом диспропорций в доходах населения как на уровне центра и периферии капиталистической миросистемы, так и внутри отдельных обществ и составляющих его социальных групп [16]. Во-вторых, технологический прогресс создает из масс бывших людей труда *лишних людей*. Согласно прогнозу Р. Коллинза, капитализм исчерпал все запасные ниши на рынке труда, в которые могли бы мигрировать ставшие безработными в ходе нарастающей автоматизации сначала механического, а затем и интеллектуального производства. Собственно, рост ничем не компенсируемой структурной безработицы и является ключевым вызовом капитализму: «Как долго продержится капитализм, если средний класс образца XX века в следующем столетии будет превращаться из его массовой политической и экономической базы в массу обездоленного недовольства?» [4. С. 9]. В политической проекции эта тенденция предстает как рост субсидируемых государством рентных и полурентных групп населения (безработные, учащиеся, бюджетники, всевозможные льготники и т. д.). Эти растущие группы не являются налогоплательщиками, а потому их активный гражданский статус все более уязвим, а политические требования нейтрализуются возрастающей зависимостью от государства.

Более того, активное сворачивание экономической базы среднего класса вступило в противоречие с привычными способами его деполитизации, которые были связаны с идеологией постоянного экономического роста и общества потребления. Считалось, что удовлетворить потребности среднего класса можно расширением номенклатуры все новых, зачастую фиктивных, потребностей и удовлетворяющих их товаров; искусственной стимуляцией спроса на быстро изнашивающиеся товары, циркулирующие в современной *одноразовой экономике*. Предполагалось, что данные условия создают для среднего класса функцию роста потребления и поддерживают за счет этого экономический рост, занятость и стабильность политического порядка. Это позволяло влиять на лояльность граждан через более низкие уровни их потребностей, гасить социальную активность потреблением, что легче поддержания системы идеологического контроля.

Массовое потребление на уровне социальной онтологии содержит необходимые паллиативные ценности, которые легитимируются процессом потребления любых товаров и услуг. Фактически выстраивается система искусственных потребностей, для которой создаются фиктивные товары. Ценность фиктивных вещей оказывается подкреплена лишь чистым удовольствием от потребления, которое тоже во многом имеет демонстративный характер: «Если при социализме управление свободным временем было демонстративно нацелено на бесполезность, и в этой бесполезности, собственно, и виделся залог *свободы*, то новый капитализм отнесся к свободному времени граждан с присущим ему расчетом...», создав «индустрию свободного времени» [15. С. 238]. Это вполне согласуется с тем, что городской образ жизни постиндустриальных обществ демонстрирует тенденции к сокращению рождаемо-

сти, т. к. дети в городах окончательно становятся чистыми пассивами семейных хозяйств, росту продолжительности жизни, который ведет к увеличению экономически неактивных старших возрастов, автоматизации производства, сокращающей рабочие места. В совокупности эти явления приводят к преобладанию слоев населения, существующих на рентные доходы или социальные пособия, в то время как обеспечивающие себя самостоятельно представители среднего класса неуклонно сокращаются, как и их влияние на жизнь общества.

Подобные тенденции усугубляют проблему кооптации среднего класса в текущий политический порядок, поскольку средний класс численно сокращается, массово теряет работу и достигнутые возможности потребления. Меняется общая социальная структура среднего класса. Его большая часть эволюционирует на понижение — к рентному классу и прекариату. Его меньшая часть становится более креативной, мобильной, гетерогенной, транснациональной, адаптировавшись к неолиберальному порядку. Кризис привычной модели государства всеобщего благосостояния, связанный со структурной безработицей и стагнацией доходов, заставляет и большинство, и меньшинство среднего класса задуматься о политэкономических причинах подобного кризиса. В результате прагматичная идеология общества потребления все менее эффективна в качестве метаидеологического регулятора активности среднего класса. В частности, все чаще вспыхивающие общественные волнения в европейских странах, «оранжевые» перевороты, арабские революции, многотысячные демонстрации по несоразмерно маргинальным поводам являются симптомом глобального кризиса нереализованных демократических амбиций среднего класса, не обеспеченного реальным участием в принятии политических решений.

Экономика среднего класса в российских реалиях

Противоречивость и непоследовательность стратегии правящих элит, стремящихся воссоздать средний класс, не имея необходимых ресурсов в рамках выбранной неолиберальной экономической политики, особенно ярко демонстрируются в России. Средний класс — это олицетворенный миф об успехе нового российского общества, не связанный с реальным социальным весом этой группы в обществе. Средний класс выступает как «громadный конгломерат, который, по определению, должен постоянно разрастаться, заполнять собой все пространство. Своей нижней частью он должен постоянно всасывать бедные слои населения и периодически выплевывать кого-то наверх в высшие слои. Постепенно он должен подминать под себя все общество — это тоже определенный миф» [26].

В логике расширения среднего класса как желаемой социальной базы новейшего российского политического порядка президентом В. Путиным был озвучен стратегический план о создании к 2020 г. «25 млн новых, высокотехнологичных, хорошо оплачиваемых рабочих мест для людей с высоким уровнем образования... Вокруг решения этой общенациональной задачи нужно строить государственную политику, консолидировать усилия бизнеса, создавать наилучший деловой климат» [20].

Подобные задачи сразу же вызывают множество вопросов относительно их осуществимости. Во-первых: откуда появятся те магические ниши на высококонкурентных потребительских рынках в глобальной экономике, которые поглотят продукцию, создаваемую на этих рабочих местах, в случае их создания? Во-вторых: создание каждого подобного места само по себе требует огромных инвестиций. По данным Минэкономразвития РФ, создание высокотехнологичного рабочего места стоит 100–300 тыс. долларов [17]. Далее, «задача-25 подкреплена государственной программой “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности”, на реализацию которой планируется потратить 3,5 трлн руб.» [1]. Путем несложных подсчетов, отталкиваясь от явно заниженных данных Минэкономразвития РФ о стоимости создания одного высокотехнологичного (высокопроизводительного) рабочего места в 100 тыс. долларов, получаем, что для реализации задачи-25 нужно 2,5 трлн долларов. Или 130 трлн рублей по курсу 65 рублей за 1 доллар. Таким образом, государство в лучшем случае за выделенные 3,5 трлн рублей сможет создать лишь 2,7%, или 67,5 тыс. высокотехнологичных (высокопроизводительных) рабочих мест.

Видимо, подразумевается, что остальные места создаст бизнес. Но последний никогда не создает дорогих рабочих мест ради них самих, тем более высокопроизводительных. Как справедливо замечает Н. Зубаревич, «у нас всего в крупном и среднем бизнесе работает 37 миллионов человек. 10–11 миллионов задействованы в малом предпринимательстве. Еще 5–6 миллионов — предприниматели без образования юридического лица (ПБОЮЛ)... Не понимаю, как мы почти на 70 процентов увеличим число работников на крупных и средних предприятиях, если у нас просто не создаются новые рабочие места... А приписки сделать для наших чиновников — милое дело. Поставили рядом с охранником новый компьютер — получили новое качественное рабочее место. Так вот все “достижения” и будут нарисованы» [19].

Наконец, рабочие места в глобальной экономике все более радикально отличны относительно их капитализации и размеров вырабатываемой на них прибавочной стоимости. Поэтому *количество занятых* имеет все меньшее значение в процессе создания корпоративного или национального ВВП. Например, в конце 2014 г. капитализация российского фондового рынка (384,4 млрд долларов) упала ниже капитализации отдельно взятой компании «Майкрософт» (385,89 млрд долларов) [9]. Фактически весь национальный российский рынок труда, в котором задействовано, согласно данным Росстата, чуть более 71,5 млн занятых [22. С. 113], стоил меньше, чем компания «Майкрософт», в которой работает 0,127 млн человек [33]. При всей условности подобного сравнения разница более чем в 500 раз представляется достаточно показательной. В России наблюдается экономическая ситуация полупериферийного капитализма, когда в «среднем классе» значительная часть его представителей являются объектами эксплуатации, поскольку доходы на принадлежащие им активы (а для них это прежде всего человеческий капитал) не обеспечивают возможности его простого, а тем более — расширенного... воспроизводства» [27. С. 241–342].

Таким образом, России в настоящее время вряд ли нужны миллионы новых рабочих мест, особенно за счет привлечения мигрантов в низкооплачиваемые и неквалифицированные ниши рынка труда. Проблема скорее заключается в совершенствовании технологий и повышении производительности на существующих рабочих местах. Но парадокс в том, что эти задачи, будучи реализованы, ведут не к умножению, а к сокращению рабочих мест (в том числе для среднего класса) именно ввиду автоматизации, роботизации и повышения производительности. Поэтому экономическая реальность демонстрирует неутешительные тенденции, когда «за последние 20 лет в России произошла чрезвычайная концентрация доходов, и коэффициент Джини почти удвоился... [Этот рост] означает распад среднего класса, если он вообще когда-либо действительно существовал. Поэтому упорство в поисках, анализе и препарировании среднего класса в России — не научный подход, а скорее вера в существование этого класса» [12. С. 72].

Набирающей обороты постиндустриальной экономике требуется ограниченная занятость лишь в креативной сфере, предполагающей способность к решению нестандартных, творческих задач, либо в сфере услуг, где требуются элементы человеческого отношения и эмпатии, которые еще долго будут недоступны современным роботам. *В результате средний класс будет размываться и дальше в контексте политэкономической, культурной, технологической поляризации нового меньшинства и сильно фрагментированного в социальном, политическом, культурном измерении большинства. Средний класс истончается, а высший и низший решительно отдаляются друг от друга и в экономическом, и в ценностном измерении, готовя почву для будущих конфликтов, потрясений и войн.* Высший средний класс, трансформируясь в креативный класс, когнитариес или салиариат, становится субэлитой, явным политическим меньшинством, теряющим функции легитимации существующего политического порядка от имени большинства.

Сжатие среднего класса и глобальный кризис демократии

Средний класс как поле взаимодействия более мелких социальных групп оказался неспособен к коллективным политическим действиям, выступая скорее как идеологическая референция, чем реальный политический субъект. В логике доминирующего неолиберального дискурса средний класс интерпретируется как лояльное большинство, способное найти себе достойное место на свободном рынке и обладающее политическими правами в силу статуса налогоплательщика. Представляется, что в данной интерпретации чем дальше, тем больше мы имеем дело скорее с социальным воображаемым, функциональным для легитимации интересов элит путем апелляции к не существующему в реальности большинству, к воображаемому референту. Идея универсальной и тотальной правоты большинства, конечно, тоже уязвима.

Субъектом или инициатором любых изменений общества обычно становится меньшинство, которому в процессе социальной транс-

формации часто удается стать ядром нового большинства. Но именно поэтому новейшие неолиберальные описания среднего класса как функционального носителя общественных перемен и инноваций представляются неоправданными, если за ним сохраняется функция представления большинства. Мы наблюдаем, как в кризисной ситуации исключение становится правилом. Это означает, что за средний класс пытаются выдать те социальные группы, которые им не являются либо могут его представлять лишь условно и паллиативно (креативный класс, когнитариат, салиариат и т. д.). Средний класс представляет собой механический конгломерат из самых разных социальных групп, а не тотальность, скрепленную общим положением в структуре производства, общими интересами и единой идеологией. Поэтому он не является той стабилизирующей социальной силой, о которой говорят со времен Аристотеля. Напротив, современный средний класс — это резервуар, из которого могут вырваться как ультраправые, так и ультраправые радикальные силы, в зависимости от ситуативной политической конъюнктуры.

Если средний класс экономически и идейно встроить, например, через систему фиктивного потребления в структуры статус-кво, то тогда он будет цементировать общество. Но в силу кризиса социального государства такого поворота событий ожидать, по всей видимости, не стоит. Средний класс *размывается*, и имеет место тенденция к поляризации как доходов, так и ценностей, создающей будущую революционную ситуацию. Более того, попытки *прогрессистского* описания среднего класса как сообщника желаемых неолиберальными элитами перемен и реформ оказались еще более провальными. Когда креативный класс и когнитариат начинают описываться как новая реинкарнация среднего класса в постиндустриальном обществе, статистика показывает, что в реальности идет процесс откола меньшинства, которое выходит из среднего класса, но не заменяет его в целом. В данном контексте выстраивать отношения преемственности, рассматривать креативный класс как ядро нового среднего класса было бы откровенным (само-)обманом.

С другой стороны, в левых дискурсах средний класс перестает быть воображаемой *витриной капитализма* и переосмысливается как исчезающее наследие социального государства, выраженное растущими рядами рентного класса, зависящего от государственных субсидий, и прекариата. Это люди, все более заинтересованные в социальных переменах вместо пресловутой стабильности, в изменении политического порядка. Представляется, что именно левый, коммунистический взгляд на средний класс мог бы в перспективе наделять последний политической субъектностью. Умножение экономико-политических проблем среднего класса могло бы инициировать рост его политических притязаний, поддержку оппозиционных перспектив. Но для этого, парадоксальным образом, средний класс должен перестать существовать. Именно этот процесс ухода или *растворения* среднего класса в пользу *новых опасных классов* мы и наблюдаем в глобальной перспективе.

Согласно базовым кибернетическим закономерностям, малые системы функционально всегда управляют большими системами, но никогда

наоборот. Поэтому правление большинства в современных сложносо- ставных обществах, в которых прямая демократия практически невоз- можна, всегда оказывается в той или иной степени иллюзией. Оно сво- дится к легитимации, к символическому способу делегирования власти большинством правящему меньшинству, когда в ходе выборов власть передается большинству лишь на краткий миг, с тем чтобы снова за- брать ее обратно.

Однако средний класс сам по себе не может просто так уйти из со- циальной реальности и политических теорий, поскольку он встроен в политико-экономический порядок современной демократии. Он из- начально конструировался как экономическая и идеологическая опора демократических институтов. Поэтому его кризис одновременно явля- ется и кризисом демократии в том виде, в каком она развивалась в со- временных обществах в последние 200 лет. Фактически, политический истеблишмент сам загнал себя в идеологическую ловушку, связав демо- кратию со средним классом. Поэтому контуры будущего рентного по- рядка, легитимация новой структуры общества без труда будут связаны с поиском альтернативных демократических или вовсе недемократи- ческих оснований легитимации нового политического порядка, которому придется обходиться без привычных апелляций к среднему классу.

Вполне возможно, что новая глобальная аристократия в условиях приостановки демографического и экономического прироста, как и во все исторические времена, не будет остро нуждаться в массовом люд- ском ресурсе, большой экономике, в стимулировании рынков массово- го спроса и в расходах на лишнее большинство, вновь предоставленное самому себе. Причем, если сворачивающееся государство всеобщего благосостояния в постиндустриальных обществах еще может позво- лить содержать лишних людей на рентном пособии (безусловный базо- вый доход), то большинство реальных государств таких возможностей не имеет. Поэтому в глобальном контексте большинство лишних людей в условиях разнообразных недемократических политических режимов с большей вероятностью ждут не комфортабельные социальные посо- бия, а сокращение доступных возможностей, прав и гарантий, вплоть до исключения из общества или прямого уничтожения.

Литература

1. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Доктрина высокотехнологичных рабочих мест в российской экономике. — <http://kapital-rus.ru/articles/article/239827> (дата обращения: 20.06.2016).
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
4. Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. Есть ли будущее у капита- лизма? М.: Институт Гайдара, 2015.
5. Гудков Л. Инерция пассивной адаптации // Pro et contra. 2011. Январь—апрель.
6. Гурова Т., Ивантер А. Мы ничего не производим // Эксперт. 2012. 26.11. № 47 (829).
7. Иноземцев В. Воссоздание индустриального мира // Россия в глобальной политике. 2011. № 6.
8. Кагарлицкий Б. Восстание среднего класса. М.: Ультра.Культура, 2003.

9. Капитализация рынка акций России упала ниже цены Microsoft. — <http://top.rbc.ru/finances/15/12/2014/548f36f52ae596647e845f15> (дата обращения: 20.06.2016).
10. **Киселев К. В.** Миф о среднем классе: основания конструирования и политические функции // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2008. № 8.
11. **Колбановский В. В.** Средний класс — социальная реальность, «класс на бумаге» или «обман трудящихся»? // Социс. 2013. № 2.
12. **Красильникова М., Самсон И.** Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? // Вестник общественного мнения. 2010. № 4.
13. **Мартъянов В. С.** После постмодернизма // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т. 10. Вып. 3.
14. **Мартъянов В. С.** Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная перспектива? // Логос. 2008. № 1 (64).
15. **Маяцкий М.** Когнитивный капитализм — светлое будущее научного коммунизма? // Логос. 2007. № 4.
16. **Миланович Б.** Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. М. : ИД ВШЭ, 2014.
17. На создание в РФ высокопроизводительного рабочего места нужно \$300 тыс. — <http://top.rbc.ru/economics/15/05/2013/857703.shtml> (дата обращения: 20.06.2016).
18. **Пикетти Т.** Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.
19. **Полубота А.** Миф о 25-ти путинских миллионах. — <http://svpressa.ru/economy/article/68714/?mga=1> (дата обращения: 20.06.2016).
20. **Путин В.** Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16.01.
21. **Розанваллон П.** Новый социальный вопрос. М. : МШПИ, 1997.
22. Российский статистический ежегодник. 2013. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013.
23. Российский статистический ежегодник. 2015. М. : Росстат, 2015.
24. **Соренсен А.** Структурный базис социального неравенства // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2016. № 3.
25. Статистический сайт ОЭСР. — <https://data.oecd.org/> (дата обращения: 20.06.2016).
26. **Тарусин М.** Средний класс и стратификация российского общества. — <http://www.polit.ru/lectures/2005/02/02/mid.html> (дата обращения: 20.06.2016).
27. **Тихонова Н. Е.** Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф, 2014.
28. **Трахтенберг А.** Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. Вып. 12.
29. **Фишман Л. Г.** Группа населения и социальная группа // Роль политических партий и общественных организаций в формировании органов власти в соответствии с интересами различных групп населения. Екатеринбург, 2004.
30. **Фишман Л. Г.** Зимние протесты: от «групп населения» к новым классам? // Неприкосновенный запас. 2012. № 2.
31. **Фишман Л. Г.** Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург : УрО РАН, 2011.
32. **Щербакова Е. М.** Рынки труда в странах СНГ, 2013 год // Демоскоп Weekly. 2015. № 629—630. — <http://demoscope.ru/weekly/2015/0629/barometer629.pdf> (дата обращения: 20.06.2016).
33. Microsoft готовит самые масштабные сокращения в истории. — <http://top.rbc.ru/economics/15/07/2014/936469.shtml> (дата обращения: 20.06.2016). ◆